

Таким образом, характеристика Энгельсом плебеев как людей лично свободных, борьба которых с патрициями велась за должности и эксплуатацию *ager publicus*, не имеет ничего общего с трактовкой плебеев М. Н. Перегудовым.

Следующее место, заслуживающее внимания в статье М. Н. Перегудова, касается его упрека Н. А. Машкину, что последний говорит о слиянии в дальнейшем развитии римского общества «патрициев и плебеев в один народ». Здесь дается ссылка на стр. 114. На этой странице Н. А. Машкин говорит о слиянии «патрициев и плебеев в один *populus*». Даже элементарного знакомства с историей древнего мира достаточно для того, чтобы знать, что «*populus*» в античном смысле этого слова означал совокупность полноправных граждан и вовсе не был равнозначным нашему понятию «народ». В учебнике, в полном соответствии с указаниями Энгельса, говорится: «К концу IV в. сохранившиеся патрицианские роды вместе с верхушкой плебеев составили привилегированную социальную группировку — *нобилитет*» (стр. 151).

Остановимся еще на одном вопросе, затронутом в этой статье, — обобщении в том, что в учебнике Н. А. Машкина во всех главах и для всех периодов указывается, что сельское хозяйство продолжало оставаться основной отраслью италийской экономики, и что Н. А. Машкин игнорирует указание Маркса о том, что «экономические эпохи различаются не тем, что производят, а тем, как производится, каким способом». Данное место в статье Перегудова является ярким примером недобросовестной критики. Он берет из текста отдельные фразы и умалчивает, что для каждого периода римской истории у Н. А. Машкина имеются специальные главы, где говорится, какие черты характерны для экономики, и в первую очередь сельского хозяйства, как ее главной отрасли, для того или иного периода; в этих главах Н. А. Машкин подробно останавливается на том, «каким образом производят».

Вряд ли стоит останавливаться на остальных замечаниях М. Н. Перегудова: только незнанием истории древнего Рима можно объяснить его трактовку Латинской войны как «подлинного восстания» (стр. 26), его оценку результатов восстания Спартака как «коренной ломки рабовладельческого уклада» (там же) и т. д.

Критика, данная М. Н. Перегудовым, никак не способствует улучшению учебных пособий по древней истории, а, наоборот, может только запутать читателя.

О. И. Севастьянова

Ж. Ф. ШАМПОЛЬОН, О египетском иероглифическом алфавите.
Перевод, редакция и комментарии И. Г. Лившица. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, 271 стр., цена 15 руб.

Указанная работа Шампольона была напечатана впервые в 1822 г. в Париже. «Тотчас после выхода в свет этой книги, — пишет И. Г. Лившиц, — в «Сын Отечества» была помещена обширная статья, излагавшая довольно подробно положения Шампольона о системе египетского письма. Автор статьи отмечал литературные достоинства труда, особенно его первых глав, стройность композиции, ясность языка и точность изложения, благодаря которым «читая эти главы, можно подумать, что читаешь математическое творение» (стр. 230). Прошло более 125 лет после того, как были написаны эти строки Василием Берхом, неоднократно писавшем о Шампольоне и впоследствии (стр. 230, прим. 4), и тем не менее рецензия Берха не только не потеряла своего значения, но оказалась правильной и в наши дни, когда основы египтологии, заложенные Шампольоном, получили свое дальнейшее развитие в работах египтологов XIX и XX вв.

Сравнение труда Шампольона с «математическим творением» великолепно выражает восхищение рецензента перед глубиной и силой логического мышления Шампольона, его блестящим и точным анализом и поразительными исследовательскими способностями, которые позволили ему, уйдя далеко вперед от своих современников, открыть ключ к чтению египетских иероглифов и тем самым заложить основы египтологии.

Издательство Академии Наук сделало большое и нужное дело, издав перевод двух работ Шампольона и исследование о нем самом. Книга делится на две части. В первой дается перевод знаменитого «Письма к г. Дасье», излагающего систему египетского иероглифического алфавита. Вторая часть, под общим заголовком «Приложение», состоит из вступительной речи Шампольона к курсу археологии, отрывков из статей Юнга, послесловия акад. В. В. Струве, комментариев И. Г. Лившица. Выбор работ Шампольона сделан очень удачно. Из многочисленных трудов Шампольона выбраны две статьи, знаменующие начало и конец творческого пути ученого.

В «Письме к Дасье» Шампольон дает общую характеристику работам своих предшественников, отмечая все, что ими было сделано, затем излагает свою собственную систему открытого им египетского алфавита и доказывает ее правильность путем тонкого анализа большого материала, как иероглифического, так иератического и демоического. Когда читаешь эту работу, нельзя не восхищаться блестящей методикой исследования Шампольона, пронизательностью его научной мысли и широтой его знаний и взглядов. Вторая статья Шампольона — его речь — была произнесена незадолго до смерти. В этой речи Шампольон как бы подводит итог всей своей научной работе и определяет место египтологии в науке. Он дает очень интересные, с точки зрения его времени, определения истории, филологии и т. д. Его определение археологии и до сих пор не потеряло своего значения: «...археология, по самой природе своего предмета тесно связанная с филологией или, лучше сказать, неотделимая от нее, обеспечивает истории наиболее надежные ее основы, собирая для нее самые достоверные свидетельства реальности минувших событий, — свидетельства подлинных памятников, произведений искусства, рассказывающих о фактах своей эпохи, общественными выразителями которых, освященными воспоминаниями, они некогда являлись, и остающихся для нас неопровержимыми свидетельствами этих фактов» (стр. 54). Правда, Шампольон несколько переоценивал значение египетской культуры, как отмечает акад. В. В. Струве в «Послесловии редактора» (стр. 94), но это увлечение древней египетской культурой понятно со стороны того, кто впервые ее открыл.

В своей речи Шампольон еще раз пересматривает все, что было сделано его предшественниками, и суммирует свои положения в законченной форме, подводя итог всех своих научных достижений. При этом приоритет Шампольона в чтении иероглифов подчеркивается очень ярко. Очень удачно для еще большей наглядности этого даны в приложениях работы Юнга, отрывки из его статьи «Египет», анализ имен Птолемея и Береники и, наконец, таблица фонетических иероглифов, составленная Юнгом. Читатель воочию убеждается в том, как много было сделано Юнгом по сравнению с его предшественниками, и одновременно видит, как он далек от гениального открытия Шампольона. Юнг не пошел дальше установления звукового значения нескольких иероглифов и очень далек был от понимания истинной системы египетского письма.

Очень интересны таблицы, приложенные к статье Шампольона. Они представляют собой факсимиле его работ и являются наглядными показателями его методики исследования. В этом отношении очень удачны также и факсимиле Юнга, которые еще раз подчеркивают приоритет Шампольона в дешифровке египетской письменности. Хорошо составлены комментарии, дающие подробные объяснения непонятным местам в тексте, особенно в тех случаях, когда речь идет о иероглифическом алфавите, где не-египтологи не смогли бы разобраться без помощи комментатора. Все упомянутые в тексте научные издания, имена снабжены точными ссылками, несмотря на то, что многие из них давно забыты и теперь неизвестны даже специалистам. И. Г. Лившиц в этой части работы показал большую эрудицию.

Несмотря на то, что в книге на первом месте стоит «Письмо к г. Дасье» Шампольона, основной частью ее является работа И. Г. Лившица «Дешифровка египетских иеро-

глифов Шампольоном», которая занимает больше половины всего текста. Она написана очень четко и интересно и по существу является новым научным исследованием о творчестве Шампольона. В первых главах автор останавливается на сведениях о египетском алфавите, которые сохранились у античных авторов, а также на предшественниках Шампольона. Особенно подробно автор говорит о работах Юнга, наиболее близкого предшественника Шампольона. Отдавая должное таланту и эрудиции Юнга, Лившиц очень ясно показывает тот предел, которого достиг английский ученый. Совершенно правильно подчеркивает автор, что с таким высокомерным отношением к египетскому народу, какое было у Юнга, нельзя было открыть систему египетского письма. Юнг не допускал и мысли о том, что египтяне могли создать свою высокую культуру и имели достойное своей культуры письмо. «Недооценка роли письма в жизни древнего народа с высоко развитой культурой и связанное с этой недооценкой недоверие к свидетельству греческих писателей о существовании в египетской графической системе звуковых знаков сузили исследовательскую базу Юнга, не понявшего роли фонетического принципа, являющегося, по словам Шампольона, как бы «душой трех видов египетского письма» (стр. 133).

Иначе подходил к вопросу о египетской культуре Шампольон. И. Г. Лившиц отмечает, что «...верное историческое чутье подсказало Шампольону мысль, что народ, создавший столь высокую цивилизацию, не мог не иметь и высоко развитой графической системы» (стр. 178). Это было ключом к пониманию египетской культуры и египетского алфавита. В своей работе И. Г. Лившиц прослеживает шаг за шагом творческий путь Шампольона, тщательно собирает все сведения и факты, которые характеризуют Шампольона как настойчивого и трудолюбивого ученого, и раскрывает его методику исследования, которая привела к столь блестящему открытию.

Вместе с тем И. Г. Лившиц сумел показать Шампольона как сына своего века, тесно связанного с освободительными идеями французской революции, с «тем брожением творческих умов и широтой научных перспектив, которые явились следствием общественного сдвига, связанного с французской революцией» (стр. 241). За свои политические взгляды он даже подвергался преследованию, не встречая поддержки со стороны тех ученых-востоковедов, которым не нравились политические симпатии Шампольона (стр. 144—145).

В конце книги И. Г. Лившиц останавливается на ошибках Шампольона, которые все же не умалили значения его открытия. Целый ряд проблем, затронутых Шампольоном в области истории языка, фонетики, искусства и вообще всей культуры древнего Египта, до сих пор еще является предметом исследования.

Большой интерес представляют те страницы, где описывается отношение к открытию Шампольона в России. 10 января 1827 г. Шампольон был избран почетным членом Петербургской Академии Наук, в то время как во Франции он стал членом Академии на три года позже, в 1830 г. (стр. 231). Известна переписка Шампольона с членом Российской Академии Наук А. Н. Олениным, высоко оценивавшим своего корреспондента и, повидимому, сыгравшим известную роль в избрании последнего почетным академиком.

Очень глубоко и правильно сумел понять значение Шампольона С. О. Коссаковский, первый секретарь русского посольства в Риме в двадцатых годах XIX в., который был лично знаком с Шампольоном (стр. 178, прим. 3). «Отнюдь не случайность, — пишет Коссаковский, — руководила г-ном Шампольоном в его исследованиях... соображения общего характера помогли ему предвосхитить те результаты, которых он достиг впоследствии... Считая доказанным соображениями высшего порядка, что графическая система египтян должна была быть совершенной, т. е. что она имела знаки, способные передавать все оттенки мысли цивилизованного народа, г-н Шампольон решил, что египтяне неизбежно должны были иметь в их графической системе знаки для передачи звуков» (стр. 178—180). Рукопись С. О. Коссаковского, не известная не только широкой публике, но и специалистам, готовится ныне к печати.

И. Г. Лившиц подчеркивает, что в России интерес к культуре древнего Египта носил подлинно научный характер, тогда как на Западе это был вопрос колониальной политики (стр. 231). В этой связи автор приводит описание трудов русских путешест-

вещиков и ученых о Египте в XVIII и XIX вв. Очень интересен очерк о «хождении» Барского в Египет в XVIII в. и воспроизведение александрийского обелиска с рисунка пером, сделанного Барским с натуры. Справедливо замечает И. Г. Лившиц, что поражает точность, с какой Барский сумел передать иероглифы, не зная языка. Хотелось бы, чтобы для большей полноты было приведено и не нашедшее своего отражения в работе Лившица описание Египта русским путешественником Норовым, которое и до сих пор сохраняет некоторое значение.

Очень ценным является воспроизведение мало известных материалов, как, например, «Коптский алфавит в армянской рукописи XV в.» (стр. 228) и страницы из сравнительного словаря Яковича де Мириево (стр. 239). Вообще подбор рисунков сделан хорошо. Они не только дополняют текст, но и знакомят с памятниками, хранящимися в Гос. Эрмитаже, тем более, что некоторые из них публикуются впервые. Такова, например, стела с иероглифами и некоторые папирусы.

Монография о Шампольоне по праву включена в серию «Классики науки». «Среди новаторов науки,— пишет акад. В. В. Струве на стр. 94,— почетное место занимает Ж.-Ф. Шампольон, рассеявший более 125 лет тому назад туман мистицизма, скрывавший веками подлинный облик древнего письма страны пирамид и преграждавший тем самым доступ к сокровищнице одной из мощных культур человечества».

Р. И. Рубинштейн

И. М. ДЪЯКОНОВ, Развитие земельных отношений в Ассирии.
Л., 1949, 152 стр., цена 10 руб.

Вопрос об аграрных отношениях в странах древнего Востока до сих пор изучен недостаточно. Буржуазная историческая наука подходила к этому вопросу с готовым штампом, механически перенося в древневосточный мир обстановку и взаимоотношения западноевропейского средневековья и сопоставляя непонятные или малоизвестные египетские, ассирио-вавилонские и прочие обозначения с общеизвестными и привычными феодальными терминами. Подобные приемы можно проследить у Эд. Мейера, Брестеда, Морэ, Дикманса и многих других корифеев буржуазного востоковедения. Эта модернизация достигает своего апогея в соответствующем разделе общего труда по аграрной истории древнего мира М. Вебера.

Советская наука стремится поставить по-новому вопрос об аграрном строе древнего Востока. Советские исследователи исходят из учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о закономерной смене социально-экономических формаций и рассматривают древневосточное общество как определенную стадию в развитии рабовладельческого общества (примитивное рабовладельческое общество). Основные проблемы социальной истории древнего Востока уже разрешены нашей исторической наукой. Однако до сих пор мы имеем очень мало специальных работ, посвященных детальному изучению аграрных отношений в отдельных странах древнего Востока; мало еще изучены специфические, местные условия каждой из этих стран. Поэтому особенно ценно появление специального исследования, посвященного развитию земельных отношений в Ассирии.

Рецензируемая работа принадлежит перу одного из лучших знатоков ассирио-вавилонского языка и клинописи И. М. Дьяконова и представляет собой переработку его кандидатской диссертации (см. стр. 9). Автор хорошо владеет обширным материалом. Он использует самые разнообразные источники (законы, частнопроводные документы, летописи и пр.). Некоторые ценнейшие памятники впервые даются им в русском переводе (Харранский реестр, иммунитетная грамота Ашшурбанипала). Аграрные отношения Ассирии изучаются на широком фоне социально-экономической и политической истории страны. Автор неоднократно выходит за пределы своей темы и подробно останавливается на анализе социального состава населения Ассирии, на особенностях ее политического строя, на вопросах внешней политики.